Три поездки Ильи Муромца

Как бы хто ещё сказал ныньче про староё,
Про староё сказал нам да про бывалоё,
Про того-де старого да Илью Муромца.
Уж как много-де ездил Илья Муромец,
Ой по чысту-то полю он всё поляковать,
Очищал-де старой дорожки да прямоезжия,
Он стоял ещё за Россиюшку — святую Русь,
Да еще того стоял он всё за Киев-град.
Ай пришло тепере да времечко ему —
Состарилсе старой наш Илья Муромец,
Ай головушка у Илюшоньки посе́дела,
Очи ясные у него да притупилися,
Ай он стоял-де за веру да християнскую,
Да ещё стоял за князя-та за Владимера,
Да тех-де вдов, сирот дак малых деточёк.
Уж как пришла однажды ему дак мысель в голову:
Я уж съезжу ещё дак во чисто полё,
Ай последний раз, видно, ещё постою-то я.
Ах поехал Илья как во чисто полё,
Да наехал ле он дак на чудо чудноё —
Ай горечь камень лежал дак край дорожочки.
На горючо<м> камне-де надписи написаны:
Уж как в правую дорожку ехать — убиту быть,
Ай прямоезжую дорожку ехать — жонату быть,
Во леву руку-де ехать — да всё богату быть.
«Ай как во леву руку поеду, да где богату быть, —
А нашто мне, старому-то, богачество?
Как пряму дорогу ехать, да где жонату быть, —
Ай зачем же мне ныньче жонату быть?
Уж поеду в ту дорожку, да где убиту быть».
Отъезжаёт Илья дак за три поприща,
Наезжает на станичников-разбойничков,
Ай станичники-разбойнички ровно да трёх ли сот.
Увидал тогда атаман-от их, разбойников,
Ай скричал тогда разбойников атаманушко:

«Уж вы гой еси, мои все ли разбойнички!
Вы поймайте-ко сего дак старого казака,
Вы снимите-ко его дак со добра коня,
Отрубите ему-де буйну да голову!»
Отвечаёт на то им Илья Муромец:
«Уж вы гой еси, станичники-разбойнички!
Уж вам нечо у меня дак убиёте дак ограбити,
Только есь у меня наличных три-де тысячи,
Да ещё на мне кунья шубонька стоит тысячу,
Да ещё ли добру коню цены-то нет.
Уж вы гой еси, станичники-разбойнички!
Ай дайте вы старому да мне поправитце,
Тогда станите вы сами старому кланятце».
Вынимаёт тогда дак он свой тугой лук,
На... й налаживал он в лук дак калену стрелу,
Говорит-де Илья дак таково слово:
«Уж вы гой еси, станичники-разбойнички!
Я стрелять-то ле буду по вам дак каленой стрелой,
Аль я стрелю-де лучше да во сырой дак дуб».
Он стреляет калену стрелу во сырой дуб —
Сырой дуб-от от стрелы дак весь росщепалсе,
Ай станичники-разбойнички все попадали.
Говорит тогда ему атаман-разбойничок:
«Уж ты гой еси, старой дак Илья Муромец!
Ты оставь-ко-сь нас еще Дак на семена».
Отвечаёт Илья ему таково слово:
«Вы садитесь-ко на своих дак на добрых коней,
Поезжайте вы все дак ко домам своим,
Ко отцам-то ле, ко матерям, молодым жонам,
Уж вам полно здесь лить кровь неповинную».
Собралися все раабойнички, поклонилися
И садились на добрых коней, поехали,
А Ильюшонька обратно да он путь держал
Ко тому-де ко камешку горючому.
Он как старую там запись всё захеривал,
А он новую-де запись да сам подписывал:
«А как ездил я в ту дороженьку, где убиту быть,
Но не так-то тут ведь дело да всё случилосе,
Ай вернулсе я назад, дак ста... старый казак,

Ай старый казак вернулсе, да Илья Муромец.
Ай поеду теперь, дак где жонату быть».
И отъехал от камешка ровно три поприща,
Он наезжаёт он-де на горюч камень,
На горюч камень наезжаёт да на великой.
Ай написано на камню да всё-то ле, хто богату быть.
Уж девитце Илья такой тут записи,
Говорит сам собой дак таково слово:
«Уж я век-де ездил да по чисту полю,
Экого чуда я дак не наезживал».
Соскочил тогда Илья дак со добра коня,
Он к могучему-де камешку подпадывал,
Ай своим-то ле дак могучим плечом
И как серой камень оттуда он отваливал —
Там увидял погреба-ти да всё глубокии,
В погребах-то там лежит дак золота казна.
Илья тому нинче дивуетце:
А и кто здесь хозяин той золотой казны?
Он набрал только себе дак золотой казны,
Сколько смог его-де конь дак ето всё поднять.
Он отвёз-де золоту отсюда ле прочь её,
Роздаваёт золоту казну нищей братии.
Ай приехал опять дак ко горечу камню,
Он-ка старую-ту подпись да всё захеривал,
А как новую подпись всё подписывал:
«Ай ездил я в ту сторону, где богату быть,
Но нашто жо мне богачество на старости,
Ай теперьей поеду, да где жонату быть».
Отъезжаёт от камешка за три поприща,
Наезжаёт Илья да на терема златоверхие,
А увидали тогда его дак там все нянюшки,
Уж как не много, не мало — да ровно тридцеть девицей,
Тридцеть девушок встречают да добра молодца,
Ай съимают его дак со добра коня,
Да берут-де за... старого за белы руки,
Ай заводят его дак в гридни светлыи,
Там княгинюшка его дак всё встречаёт ли,
Ай встречала его, дак добра молодца:
«Уж ты здравствуёшь, удалой да доброй молодец,

Ты со дальнёей теперь пути-дорожочки,
Ты садись-ко-се за столы-ти да за дубовыя,
Ты поешь-попей у меня дак что нынче Бог послал!»
И садилсе Илья за столы дубовыя,
Уж как ест он, пьёт с утра у ней до вечера.
Ай воставаёт Илья со столов дубовыих,
Благодарствую княгиню да он за хлеб за соль:
«А еще гой еси, княгинюшка молодая ты!
Ай старику-ту мне бы нынче отдохнуть-поспать
Аль со-то той-де со дорожочки со дальноей».
Ах брала она Илью дак за руки белыя,
Отводила его теперь во спаленку,
Подводила старого да ко кроваточки.
Ай старой казак смотрел дак на кроваточку,
Головой качал старой, дак сам спроговорил:
«Уж я век свой ездил всё дак по чужим землям,
А екого чуда ле я дак всё не видывал,
Эта кроваточка-то, видно, да всё подложная».
Он как брал-де королеву да за белы руки,
Шибанёт ее во кроваточку часовную —
Ай кроваточка была теперь подложная,
Отвернулась кроваточка подложная
И упала во погреба-ти да во глубокия.
Выходил тогда Ильюшонька вон на улицу,
Он как спрашивал у ней дак всё придверников:
«Уж вы гой еси, королевичной придверники!
Укажите к погребам дак всё дверей ле вы!»
Отводили придверники старого казака,
Подводили его к погребам глубокиим,
А не надобно ему ключи ко две... у дверей,
Он замки-те руками да прочь отдергивал,
Открывает погребов двери ле на пяту,
Заходил тогда старой в погреба глубокия —
А там сидит у ней в полону сорок царей-королевичей,
Да ещё-де сидят там всё богатыри.
Увидали они дак Илью Муромца,
А и встали все сами дак на резвы ноги,
Поклонилися старому да до сырой земли.
Говорит-то им Илья дак таково слово:

«Выходите вы теперече все на волюшку,
Поезжайте вы ле все да к отцам-матерям!»
И подходила тут к нему дак королевична,
Поклониласе она тоже да у сырой земли:
«Уж ты гой еси, старой казак Илья Муромец!
Не узнал ты, видно, меня, Златыгорки».
Отвечаёт старой ей таково слово:
«Уж ты гой еси, королева да Златыгорка!
Ты зачем меня хотела схоронить в своих,
Во свои-те погреба меня глубокия?»
Отвечаёт ему королева Златыгорка:
«Ай ты зачем моёго убил сына любимого,
Ай любимого-де сына да ты Сокольничка?»
Отвечаёт опять он таково слово:
«Он зачем на меня, твой сын, напал на спящого,
Он ведь бил меня рогатиной по белым грудям.
Ах, привёлсе у мня на груди дак чудной мой ле крест —
Еcле бы не было на шеи да как чудна креста,
Он убил, видно, бы меня дак во чистом поле».
А и брал он Златыгорку за белы руки,
Выводил её ко стояльни-то, ко конюшонькам,
Он брал-де трех жеребчиков неезжаных —
Привязал королевну к жеребцам, дак ко ей хвостам то ли,
И спустил он жеребцов дак во чисто́ полё.
Розбежалися жеребцы, королеву роздёрнули;
Ой он ейной дом её да всё на огонь спустил,
А и ту ле прислугу спустил по домам своим.
И опять-де он садилсе да на добра коня,
Поворот-от держал ко тому камешку.
Он старую-ту подпись всё захеривал,
А как новую-ту подпись да он подписывал:
«А и ездил я в ту сторонушку, где жонату быть,
Ай жонату быть, в другу — да где убиту быть,
Во третью я ездил, где дак бы всё богату быть».
А и со той поры Илью ныньче славу поют.

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма — от Лагеева Василия Игнатьевича, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.